

Пока они разговаривали, принцесса Цинчжу послала служанку пригласить принцессу Цзиньань. Сюй Яньцин остался один в павильоне и, заскучав, поднялся, чтобы найти уборную.

Так как он находился в чужом доме, за ним, разумеется, не следовала толпа молодых служанок — он оставил при себе лишь одного слугу, Му Юя.

Особняк Су был велик, а сегодня в нём отмечали церемонию омовения на третий день после рождения старшей дочери принцессы Цинчжу, так что слуги сновали туда-сюда, не зная покоя. Му Юю не удалось найти никого, у кого можно было бы спросить дорогу, и ему не оставалось ничего другого, как неспешно идти по особняку вслед за молодым господином.

После того как Сюй Яньцин вышел из уборной, он пошёл по той же дорожке, по которой пришёл, но вдруг остановился.

— Что случилось, молодой господин? Вам нехорошо? — спросил Му Ю, заметив странное выражение лица своего господина и невольно напрягшись.

Сюй Яньцин покачал головой и медленно отступил на несколько шагов. Ему показалось, что он увидел знакомую фигуру, хотя он не был уверен, не сыграло ли с ним воображение.

Принц Хуай был человеком нетерпеливым. Сначала именно он не давал покоя, уговаривая Инь Яньцзюня сыграть партию в го, но не прошло и двух игр, как он не выдержал, сослался на нужду и улизнул.

На доске белые камни явно подавляли чёрные. Инь Яньцзюнь положил белый камень, который всё это время держал между пальцами, обратно в контейнер, затем неторопливо протянул руку и взял чёрный камень из противоположной чаши.

Сюй Яньцин стоял у ворот небольшого внутреннего дворика и смотрел на даосского монаха в тёмно-зелёном одеянии, находившегося внутри. Он машинально потёр пальцы. Это и правда был тот самый даос, но что он делает в особняке Су?

Однако тут Сюй Яньцин вспомнил: в горах Цинлин этот даос жил во дворе юного наследника, а юный наследник был в родстве с принцессой Цинчжу. Возможно, он прибыл вместе с Инь Юаньчэном.

— Молодой господин? — Му Ю вытянул шею, тоже заглядывая во двор вслед за взглядом Сюй Яньцина, и недоумённо нахмурился — он не понимал, что именно привлекло внимание его господина.

Сюй Яньцин слегка покачал головой, собираясь уйти, как вдруг услышал из внутреннего дворика холодный, ясный голос даосского монаха:

— Раз уж молодой господин пришёл, почему бы не зайти и не присесть на некоторое время?

Инь Яньцзюнь поднял глаза на молодого господина, стоящего у ворот. Он сидел очень прямо, в его прекрасных глазах мерцал едва уловимый свет. В его облике сочетались неземная отрешённость служителя пути и утончённая мягкость старшего по возрасту.

Сюй Яньцин вспомнил ту ночь перед отъездом из двора Юньшуй, когда он перелез через стену и повёл себя с даосом так легкомысленно. На сердце у него невольно поднялась волна неловкости, которую он и сам не мог до конца осознать.

Но раз уж даосский монах заговорил, сделать вид, будто он не услышал, и развернуться было бы невежливо. После короткого колебания Сюй Яньцин вошёл во двор и медленно сел напротив Инь Яньцзюня.

— Яньцин всего лишь проходил мимо. Не хотел тревожить покой даосского наставника, — сказал он. Это был первый раз с момента попадания в этот мир, когда Сюй Яньцин сидел столь чинно и почтительно. Но глядя на изящную, прямую осанку даоса, он просто не решился развалиться вольно.

Инь Яньцзюнь не ответил. Он положил чёрный камень, зажатый в пальцах, и расстановка на доске в тот же миг изменилась до неузнаваемости.

Сюй Яньцин немного разбирался в го, но сейчас игра была ему вовсе неинтересна. Он ведь носил под сердцем ребёнка даоса, а между ними, по сути, не было даже знакомства. Такая ситуация заставляла его «раковую неловкость» обостряться с новой силой.

Чтобы хоть как-то отвлечься, взгляд Сюй Яньцина упал на пальцы даосского монаха. Его руки были действительно красивы — длинные, с чёткими фалангами, белые и полноватые. В свете, падающем на доску, ногти казались мягкими и прозрачными, с холодноватым отблеском на розовой основе.

Сюй Яньцин невольно вспомнил, как эти пальцы однажды сжали его запястье: под тонкой кожей выступили жилки, демонстрируя скрытую силу. Эти изящные руки — куда опаснее, чем могли показаться.

— У молодого господина есть мысли по поводу этой партии? — спросил Инь Яньцзюнь, уловив слишком пристальный, почти пылающий взгляд Сюй Яньцина. Он слегка опустил ресницы, спрятал руки и положил их себе на колени.

Руки исчезли из поля зрения. «Разлагавшаяся тушка солёной рыбки» (так он сам себя иногда называл) не удержалась и подняла взгляд, улыбаясь:

— Спрашивать о го распущенного человека, в голове у которого и чернила не держатся, — не насмехается ли наставник надо мной?

Инь Яньцзюнь поднял глаза и встретился взглядом с молодым господином, на губах которого играла лёгкая улыбка. В его ясных, отстранённых глазах мелькнуло замешательство — и тут же исчезло: он отвёл взгляд.

— У меня не было такого намерения.

Никто прежде не осмеливался смотреть на него с такой настойчивой прямоотой. Под взглядом молодого господина даос на мгновение утратил самообладание.

Он моргнул. Сюй Яньцин уже устал сидеть так чинно и чуть расслабился, а увидев лёгкое смущение и растерянность на лице даоса, не удержался от желания немного поддразнить его.

— Так что же тогда имел в виду даосский наставник? Яньцин туп, ума не приложит, — сказал он, уже свободнее устроившись на месте. Через мгновение он опёрся щекой на ладонь, и широкий рукав светло-голубого цвета сполз, обнажив участок нежной белой кожи на запястье.

Под пристальным взглядом молодого господина становилось не по себе. Инь Яньцзюнь поднял руку, взял со стола чашку с чаем и сделал маленький глоток. На откровенно игривый вопрос он

ничего не ответил — не знал, что сказать.

Сюй Яньцин чувствовал себя настоящим демоном, покушающимся на чужую даосскую практику. Но, глядя на этого «бессмертного» с обликом из нефрита, он не мог сдержать давно затаённое озорство.

— Даосский наставник, — произнёс он, протянув вперёд свою не особенно изящную руку и лёгким постукиванием коснувшись стола перед Инь Яньцзюнем. — Наставник уже знает мирское имя Яньцина, а вот Яньцин до сих пор не знает даосского имени наставника.

Хотя сам молодой господин был довольно худощав, щеки и кисти рук у него оставались пухленькими, очень приятными на вид. Инь Яньцзюнь поднял на него взгляд и через мгновение тихо ответил:

— Моё даосское имя — Сюаньчэнь.

— Наставник Сюаньчэнь, — мягко повторил Сюй Яньцин, будто пробуя имя на вкус. В его голосе звучала явная нотка наслаждения. Глаза его изогнулись, напоминая тонкие полумесяцы — живые, лукавые.

Ресницы Инь Яньцзюня дрогнули. Он ничего не сказал.

— Наставник прибыл по приглашению принцессы Цинчжу? Чтобы благословить новорождённую девочку на третий день после рождения? — Сюй Яньцин лениво перебирал камни на доске, совершенно нарушая изначальную расстановку.

Инь Яньцзюнь слегка замешкался, но всё же кивнул. Он никогда не лгал. Принц Хуай и вправду пригласил его с намерением «даровать благословение» — хотя это благословение вовсе не то, о каком подумал Сюй Яньцин.

Пока они беседовали, Инь Яньцзюнь вдруг услышал лёгкое урчание в животе молодого господина. Он поднял глаза, вспомнив разговор Сюй Яньцина с Инь Юаньшуаном за стеной — и правда, молодой господин выглядел немного похудевшим.

— Вы голодны?

Если бы Сюй Яньцин был хоть немного стеснительным, то наверняка покраснел бы от стыда, услышав, как у него заурчало в животе на глазах у другого. Но как раз потому, что причиной его нынешних «ешь и тут же блеванёшь» был человек, сидящий перед ним, он просто отодвинул доску для го и развалился на столе:

— Этот молодой господин почти умирает с голоду. Может, даосский наставник Сюаньчэнь угостит чем-нибудь?

Видя игривую манеру молодого господина, Инь Яньцзюнь тихо рассмеялся. Он наклонился ближе и мягко сказал:

— Я велю слугам принести вам еду.

Сюй Яньцин был слегка ошарашен. Это был первый раз, когда он видел, как даос Сюаньчэнь улыбается. Обычно тот выглядел ясным и непрístupным, но стоило ему улыбнуться — и холодная отстранённость, державшая людей на расстоянии, заметно потеплела, сменившись мягкой, утончённой теплотой, вызывавшей желание приблизиться.

Сам Инь Яньцзюнь с места не сдвинулся, но вскоре слуги действительно принесли несколько вегетарианских блюд. Он пододвинул к молодому господину тарелку с пирожными:

— Я не ем мясного, поэтому слуги приготовили только постные блюда.

Сюй Яньцин сначала подумал, что наставник шутит. Но нет — еду и вправду принесли. Аромат от вегетарианских блюд был такой аппетитный, что у него снова заурчало в животе. Под тёплым, спокойным взглядом даоса он без зазрения совести потянулся за палочками — страдать он явно не собирался.

Пока молодой господин ел, на утончённом лице Инь Яньцзюня сохранялась лёгкая, почти незаметная улыбка. Его осанка оставалась всё такой же прямой, словно негибемый бамбук, воспетый в стихах учёных мужей.

Блюда оказались на удивление вкусными, но стоило Сюй Яньцину съесть чуть больше, чем хотелось, как его сразу начинало подташнивать. Он заставил себя доесть хоть до того момента, как живот перестал урчать, а потом вяло отложил палочки.

Инь Яньцзюнь немного нахмурился:

— Не по вкусу постная пища?

Юный «солёный карась» махнул рукой. Он не мог объяснить даосскому наставнику настоящую причину своей нехватки аппетита. Его мучило, тянуло на рвоту, но вдаваться в подробности он не собирался, поэтому сложил руки в жесте благодарности:

— Благодарю наставника Сюаньчэня за угощение. Мать давно меня не видела — наверняка уже кого-то послала на поиски.

Сказав это, он поднялся и без особого сожаления развернулся, чтобы уйти. Му Ю, дожидавшийся снаружи, поспешил к нему, увидев, что тот наконец вышел.

— Молодой господин, вы знакомы с этим даосом? Почему так долго пробыли у него? — спросил он с лёгким недоумением. Му Ю служил своему господину неотлучно, но раньше этого монаха не встречал.

Сюй Яньцин отмахнулся:

— Пара случайных встреч, не более.

Он был не дурак. Раз даос Сюаньчэнь был приглашён в особняк Су самой принцессой Цинчжу, раз ему выделили этот отдельный тихий дворик, и слуги исполняли его распоряжения — то он явно был не простым даосом.

Но каждый раз, сталкиваясь с этим человеком, Сюй Яньцин почему-то ощущал, как между ними словно бы возникает неведомая близость. Он цокнул языком и списал всё на то, что у него самого просто «вкус» такой — всё в этом человеке попадало прямо в его слабости. То есть, в конечном счёте, дело было в нём самом — и в его вожделении.

Сюй Яньцин действительно не мог больше выносить шумной суеты пира, поэтому отправил слугу с посланием для госпожи Су, а сам вместе с Му Юем покинул особняк.

Во внутреннем дворике Инь Яньцзюнь всё ещё сидел на прежнем месте, а слуги молча убрали

почти нетронутую трапезу.

Принц Хуай, долгое время отсутствовавший под предлогом «помочиться», вдруг появился откуда-то, не спеша:

— Молодой господин, что только что с тобой разговаривал... он ведь младший сын того старого плута, марquisa Уань?

Инь Яньцзюнь поднял на него глаза, затем опустил взгляд, подтянул к себе доску для го, которую перед этим отодвинул Сюй Яньцин, и начал медленно собирать рассыпанные камни.

Принц Хуай был из тех, кто привык говорить при Инь Яньцзюне без обиняков. Он уселся поудобнее:

— Этот молодой господин куда больше в мать пошёл, чем его старший брат. Такой изящный, красивый. И совсем не похож на того старого лиса, марquisa Уань.

Инь Яньцзюнь ничего не ответил. Его ресницы слегка опустились, взгляд остановился на камне, зажатом между пальцами. Камень упал в фарфоровую чашу, издав чистый, ясный звук.

<http://bllate.org/book/12638/1120927>